

шая обезьяна», составляющій эпизодъ изъ оставшагося неконченнымъ романа «Сны и факты», также глубоко проникнуть чисто личными мечтами и размышленіями писателя. Самый эпизодъ остался недоконченнымъ и невыясненнымъ; все его содержаніе состоитъ въ монологѣ героя, молодого художника, который пишетъ какъ будто прощальное письмо къ пріятелю и отдается размышленіямъ, ведя въ то же время борьбу съ «господиномъ алкоголемъ». «Говорящая обезьяна» принадлежитъ къ послѣднимъ работамъ Левитова и въ ней больше чѣмъ гдѣ-либо сказалось мрачное настроеніе его послѣднихъ лѣтъ, отагощенное его матеріальными бѣдствіями, и борьба идеальныхъ стремленій съ отчаяніемъ. Молодой художникъ (какъ самъ писатель) видимо теряетъ нравственное равновѣсіе; его томить неприложимость его идеаловъ къ дѣйствительности и въ своемъ отчаянномъ монологѣ онъ высказываетъ многое, чѣмъ именно могъ бы воспользоваться біографъ писателя. Таковы, напр., воспоминанія молодого художника о товарищахъ молодости; эти товарищи — типы молодежи 60-хъ годовъ, безъ сомнѣнія собственные пріятели и сверстники Левитова ¹⁾; это — ихъ и свои собственные молодые надежды и идеалы оплакиваетъ Левитовъ, влагая отчаянныя жалобы въ уста молодого художника, борющагося съ «г. алкоголемъ» ²⁾.

Сводя вмѣстѣ наши замѣтки, мы приходимъ къ выводу, что Левитовъ былъ несомнѣнно «народникъ» — въ томъ самомъ смыслѣ, какъ всѣ лучшіе писатели конца 50-хъ и 60-хъ годовъ, эпохи нашего общественнаго возрожденія, то-есть въ смыслѣ самаго искренняго сочувствія къ народу и стремленія служить его благу, но стремленія, еще не переходившаго въ теоретическія преувеличенія и неумѣренную идеализацію. Тогда не было этого термина, но это отношеніе къ народу, безспорно сочувственное, не было похоже на новѣйшее народничество, какъ бы послѣднее ни засчитывало Левитова въ свои предшественники. Левитова невозможно отдѣлить отъ предшествующей литературы, отъ Гоголя и его преемниковъ: онъ связанъ съ ними и воспитаніемъ своего таланта, и литературными приемами, представляющими

русской литературы. Безъ него мы не поняли бы Диккенса, ни Тэккереля, и все пробалялись бы дурацкими эпопеями о корнетахъ Z и о княжнахъ X.

— А при немъ, Вани, и мы въ нашей пошлой жизни испытали кое-что очень хорошее... (стр. 719—722).

¹⁾ Т. II, стр. 736—743.

²⁾ Укажемъ особенно тамъ же, стр. 740.